

360
Юридическая Библиотека.

Издание Я. Канторовича.

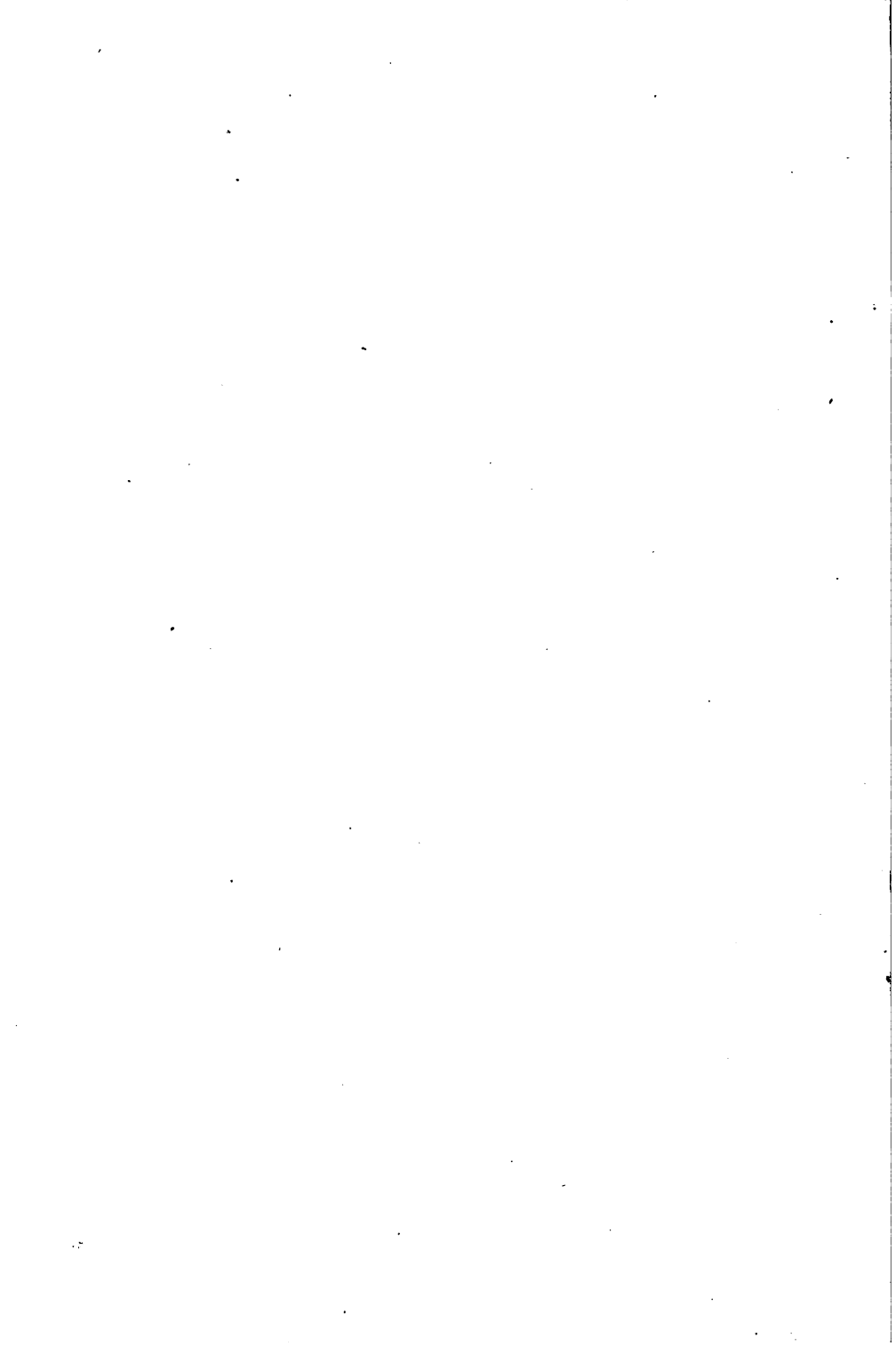
№ 4.

ЖЕНЩИНА ВЪ ПРАВѢ.

Съ приложеніемъ всѣхъ постановленій дѣйствующаго законо-
дательства, относящихся до лицъ женскаго пола.

Я. О Р О В И Ч А.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1895.

Юридическая Библиотека.

Издание Я. Канторовича.

№ 4.

ЖЕНЩИНА ВЪ ПРАВѢ.

Съ приложеніемъ всѣхъ постановленій дѣйствующаго законо-
дательства, относящихся до лицъ женскаго пола.

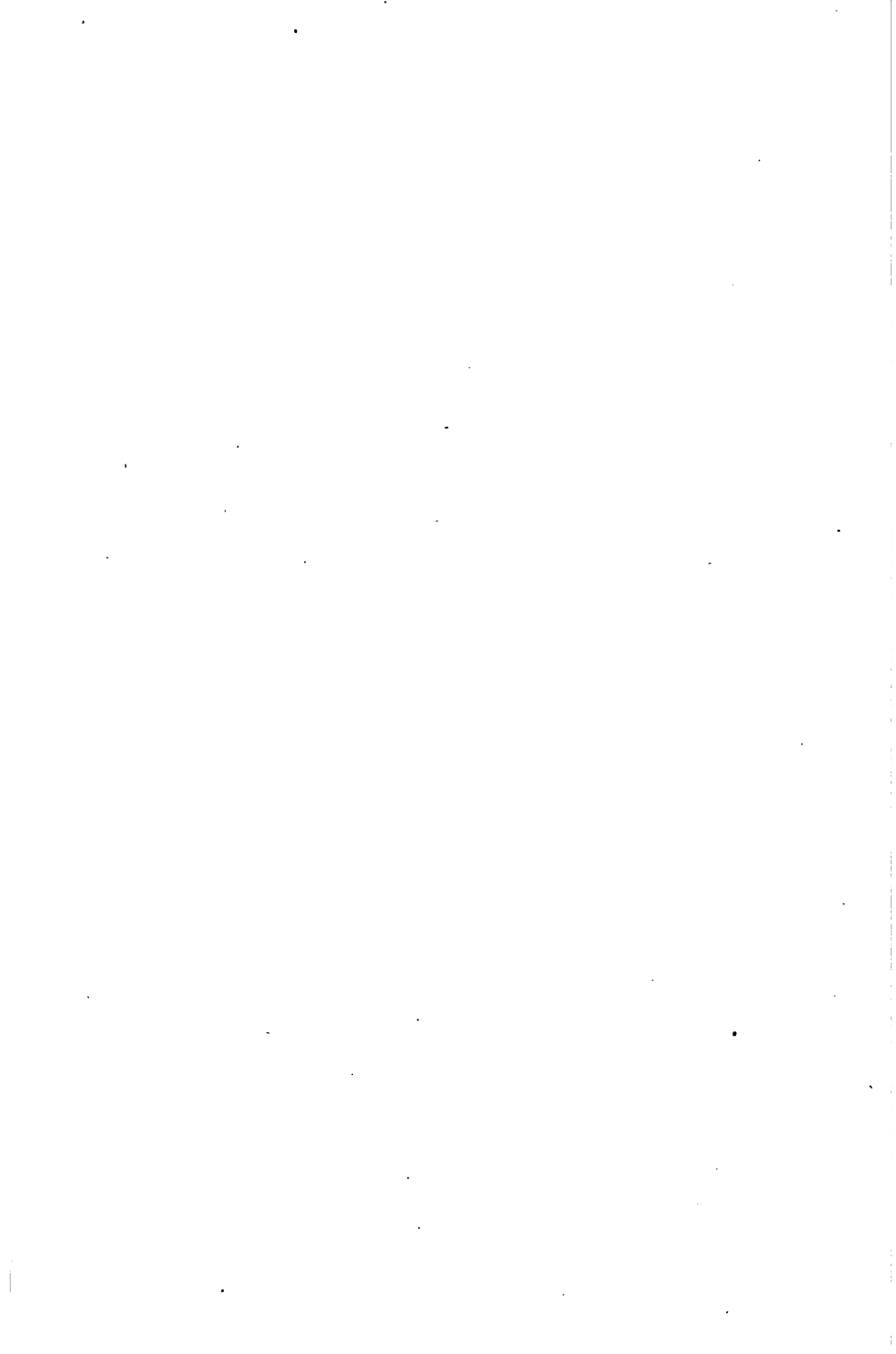
Я. ОРОВИЧЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1895.

Центральная Типо-Литографія М. Я. Минкова, Лиговская, 35.

JUL 5 1925

ЖЕНЩИНА въ ПРАВѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

*Mulier reipublicae damnum est
aut salus.*

Seneca, Ep. XXIV.

О женщинахъ очень много писали. Начиная отъ Платона и Аристотеля и кончая философами и писателями нашихъ дней,—почти каждый высказывалъ свои мысли о женщинахъ и въ часы досуга писалъ о нихъ афоризмы. Большею частью писали о женщинахъ афоризмы. Можетъ быть, форма афоризма — капризно-отрывистая, неожиданно-парадоксальная, ни къ чему не обязывающая, въ нѣсколькихъ словахъ себя исчерпывающая — наиболѣе подходящая форма для выраженія мыслей о «женщинѣ», которую такъ много изучаютъ и такъ мало знаютъ... Если собрать во едино все, что написано и разбросано въ этой литературѣ афоризмовъ о женщинахъ, то получилась бы цѣлая библіотека. И тѣмъ не менѣе, «женщина» не исчерпана, и писатели и философы будущихъ поколѣній будутъ продолжать высказывать старыя и новыя мысли о женщинахъ и дополнять литературу афоризмовъ о нихъ.

Но есть еще другая литература о женщинахъ, отличающаяся такою же сжатою опредѣлительностью, какъ литература афоризмовъ, но имѣющая для женщинъ несравненно болѣе важное значеніе. Это — законодательныя положенія о женщинахъ. Въ нихъ законодатели, подобно

II

авторамъ афоризмовъ, кратко и опредѣлительно высказываютъ свои мысли о женщинахъ... Только эти законодательные афоризмы мало читаются, и меньше всего тѣми, которыхъ они касаются—женщинами; многіе изъ этихъ афоризмовъ въ точности неизвѣстны даже большинству юристовъ, а публика имѣетъ о нихъ самыя смутныя представленія. Между тѣмъ по нимъ опредѣляется положеніе женщины въ семьѣ и въ обществѣ, ими устанавливаются ея личныя и имущественныя права и обязанности, и сообразно съ ними складывается и протекаетъ ея существованіе въ различныхъ положеніяхъ, въ которыхъ она выступаетъ въ жизни.

Законы о женщинахъ, какъ всякіе законы, мѣнялись въ теченіе исторіи, въ зависимости и сообразно съ перемѣнами во взглядахъ и нравахъ общества. Есть двѣ крайнія точки зрѣнія на женщину, между которыми, собственно говоря, вращается проблема женскаго вопроса. одна—которою опредѣлялось правовое положеніе женщины въ древнемъ мірѣ и также опредѣляется понынѣ на востокѣ, другая — которою проникнуты тенденціи современнаго права. И та, и другая точка зрѣнія—лишь крайности, къ которымъ господствующіе взгляды и дѣйствующіе законы могутъ только болѣе или менѣе приближаться, но которыя никогда не могли и не могутъ получить въ жизни полное примѣненіе. Римское право смотрѣло на женщину, какъ на *вещь*, которою мужчина владѣетъ на правахъ собственности, и сообразно съ этимъ взглядомъ, оно опредѣляло положеніе женщины по началамъ *вещнаго права*—въ ряду и наравнѣ съ другими вещами, находившимися въ сферѣ распоряженія главы семейства, *paterfamilias*. Такова была точка зрѣнія закона,

отвѣчавшая господствовавшимъ въ патріархальномъ Римѣ взглядамъ на женщину. Но закону, при всемъ ригоризмѣ, присущемъ римскому праву, никогда не удавалось исполнѣ осуществить эту точку зрѣнія и доводить правовое положеніе женщины до полного тождества съ *вещью*—по той причинѣ, что, въ отличіе отъ вещи, женщина имѣетъ живую душу, человѣческія потребности, мысль, голосъ... Современное право проникнуто противоположной точкой зрѣнія — тенденціею къ равенству половъ. Въ пользу полного сравненія женщины съ мужчиной ведется на западѣ широкая пропаганда, которая въ Англіи и Америкѣ почти уже добилась предоставленія женщинамъ политическихъ правъ. Но ни литературнымъ друзьямъ женщинъ, ни законодательнымъ постановленіямъ никогда не удастся, на практикѣ, въ жизни, исполнѣ осуществить равенство половъ—по той причинѣ, что этого равенства между мужчиной и женщиной въ дѣйствительности нѣтъ, ни въ физическомъ, ни въ интеллектуальномъ отношеніяхъ. Идея о равенствѣ половъ, даже съ признаніемъ ея въ положительныхъ законодательствахъ, останется въ дѣйствительной жизни такою же фикціею, какою оставалась точка зрѣнія древнихъ законодательствъ, видѣвшихъ въ женщинѣ только *вещь*.

Эти двѣ точки зрѣнія—начало и конецъ исторіи женщины въ области права. До конца—эта исторія еще не дошла, и во многихъ, даже наиболѣе культурныхъ, странахъ женщина еще до сихъ поръ ограничена въ самыхъ существенныхъ гражданскихъ правахъ. Но, —какъ замѣчаетъ, Стюартъ Милль въ своей извѣстной книгѣ «О подчиненности женщины» — «опытъ показываетъ, что каждый шагъ, отвоеванный прогрессомъ, сопровождался улучшеніемъ въ

положенія женщины; это побудило историковъ и философовъ принять судьбу женщины, степень повышенія или пониженія ея общественнаго положенія за самый лучший критерій и самое вѣрное измѣреніе степени цивилизаціи даннаго народа и данной эпохи. Въ теченіе всей исторіи прогрессъ велъ женщину къ постепенному сравненію ея съ мужчиной. Это не доказываетъ, что ассимиляція должна прійти къ полному равенству половъ, но оно показываетъ, какъ тѣсно связана судьба женщины съ прогрессомъ».

Женщина занимаетъ такое огромное мѣсто въ жизни отдѣльнаго человѣка и въ жизни цѣлаго общества, что такъ называемый «женскій вопросъ» въ значительной степени также мужескій вопросъ. *Mulier reipublicae damnum est aut salus*, т. е. женщина является источникомъ гибели или благополучія страны—говоритъ старикъ Сенека. Женщина является такою, какою ее создаетъ законодательство и общественный складъ жизни, и можно, перифразируя извѣстный афоризмъ, сказать, что каждая страна имѣетъ такихъ женщинъ, какихъ она заслуживаетъ. Полемика, которая часто ведется по женскому вопросу, обыкновенно основана на крайностяхъ—на полномъ отрицаніи женскихъ правъ со стороны однихъ и преувеличенныхъ, исходящихъ изъ идеи о равенствѣ половъ, требованіяхъ—со стороны другихъ. Но враги женскихъ правъ желаютъ оказать очень плохую услугу обществу, въ которомъ они живутъ, отказывая женщинамъ въ правѣ на образованіе, въ личной самостоятельности, въ имущественной независимости, и обрекая женщинъ на невѣжество, на пассивную безхарактерность, на бездѣліе, на полную подчиненность и зависимость отъ мужчинъ и ихъ матеріальныхъ средствъ. Съ другой стороны, «ра-

венство половъ», котораго добиваются друзья женщинъ, оказалось бы, въ дѣйствительности, огромнымъ неравенствомъ между полами, и сами женщины, разумныя изъ нихъ, *дѣйствительныя* женщины, — отказываются отъ этого уничтоженія des «Ewig-weibliche», которое имъ хотѣть преподнести ихъ преданные друзья.

Въ сравненіи съ той шумной и широкой агитаціею въ пользу женскихъ правъ, которая ведется на западѣ, въ особенности въ Англіи и Америкѣ, — у насъ въ Россіи почти не существуетъ женскаго вопроса. И слава Богу. Центръ тяжести женскаго вопроса, по нашему мнѣнію, лежитъ въ очень пемногомъ, и прежде всего и главнѣе всего — въ правѣ женщинъ на образованіе. Невѣжество женское, можетъ быть, представляетъ еще худшее зло для общества, чѣмъ невѣжество мужское, — потому что всѣ интимныя и наиболѣе важныя стороны нашей жизни находятся въ рукахъ женщинъ.

Русская женщина, вообще, не можетъ жаловаться. Ея правовое положеніе во многихъ отношеніяхъ благопріятнѣе, чѣмъ положеніе западноевропейскихъ женщинъ. Остались въ нашемъ законодательствѣ только немногіе недочеты (какъ неравенство при наслѣдованіи и др.), которые безсомнѣнно будутъ пополнены въ будущемъ гражданскомъ уложеніи. Что касается права на образованіе — общее и профессиональное, — то въ этомъ отношеніи остается еще очень многое сдѣлать не для однѣхъ женщинъ...

Предлагаемъ вниманію читателей краткій очеркъ положенія женщины въ современномъ правѣ и, въ частности, въ русскомъ правѣ. Обширность матеріала, подробная разработка котораго потребовала бы цѣлыхъ фолі-

антовъ, заставляла насъ быть краткимъ и ограничаться во многихъ случаяхъ почти конспективнымъ изложениемъ. Но мы утѣшали себя тѣмъ, что нашими читателями и судьями будутъ люди изъ публики, для которыхъ академическая пространность и тяжеловѣсность не составляетъ необходимаго условія достоинства книги...

Мы считали умѣстнымъ дать въ видѣ приложенія къ настоящему очерку о положеніи женщины въ правѣ—сводъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относящихся до лицъ женскаго пола. Въ этотъ сводъ вошли почти всѣ постановления (за исключеніемъ весьма немногихъ, имѣющихъ несущественное или весьма отдаленное отношеніе къ женщинѣ), разбросанныя въ нашемъ Св. Законовъ по разнымъ его томамъ и отдѣламъ. Группировка этихъ постановленій и сведеніе ихъ къ общимъ рубрикамъ представляло нѣкоторыя трудности, такъ какъ многія изъ нихъ могутъ быть относимы къ одной и къ другой рубрикѣ. Поэтому намъ приходилось нѣкоторыя постановленія повторять подъ разными рубриками—въ видахъ большей полноты каждой изъ нихъ. Но при этомъ мы старались, по возможности, держаться порядка, въ какомъ статьи слѣдуютъ въ нашемъ Сводѣ.

А затѣмъ, предоставляемъ судить обо всемъ этомъ—нашимъ читателямъ.

Мартъ, 1895 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Фазисы развитія семьи.

Исторія женщины—это исторія семьи. Судьба женщины измѣнялась въ зависимости отъ положенія, которое она въ различные эпохи занимала въ семьѣ, а положеніе ея въ семьѣ обусловливалось различными стадіями развитія послѣдней, какъ культурно-правового начала.

Три фазиса опредѣляютъ историческій ходъ развитія семьи. Послѣдовательной смѣной этихъ фазисовъ отмѣчается путь, пройденный женщиной отъ ея первобытнаго положенія до нашихъ дней.

Первоначальная форма семьи—*материнство* или *мат-ріархатъ*, въ которомъ опредѣляющимъ моментомъ семьи является мать. Отецъ остается неизвѣстнымъ или неопредѣленнымъ; дѣти носятъ имя матери и слѣдуютъ ея положенію. «Ликійцы, рассказываетъ Геродотъ, имѣютъ одну весьма любопытную особенность: они себя называютъ по имени матери, а не по имени отца. Когда спрашиваютъ ликійца, кто онъ такой, онъ указываетъ свою генеалогію со стороны матери, перечисляя своихъ прародителей съ ея стороны. Если ликіанка вступаетъ въ союзъ съ рабомъ, дѣти считаются благородными, и наоборотъ, если ликіецъ, хотя бы самаго высшаго ранга, беретъ себѣ въ жены иностранку или на-

ложницу, дѣти не пользуются правами его происхожденія». На эту особенность было указано и по отношенію ко многимъ другимъ народностямъ древности, и она также замѣчается въ наше время у различныхъ дикихъ племенъ. Полюбъ ее указываетъ у локрійцевъ. На могилахъ этрусковъ обыкновенно обозначается происхождение со стороны материнской. Многіе слѣды этого режима мы находимъ у карійцевъ, пелазговъ въ древнѣйшей Греціи, у кентавровъ, басковъ, въ древнемъ Египтѣ, на островѣ Критѣ. Многія племена въ Африкѣ, въ Америкѣ и въ Океаніи не знаютъ до сихъ поръ другого семейнаго режима, находясь еще въ стадіи этой первоначальной формы семьи.

По теоріи Bachowen'a ¹⁾, матриархату предшествовало состояніе *гетеризма*, т. е. когда не существовало никакого индивидуальнаго брака, а всѣ мужчины и женщины одной общины считались въ общемъ супружествѣ, и каждый мужчина могъ имѣть общеніе съ любой женщиной. Съ теченіемъ времени такое состояніе уступило мѣсто матриархату, т. е. браку съ преобладаніемъ женщины, при чемъ личность мужа занимаетъ безразличное положеніе въ семьѣ. Въ этой формѣ брака все въ семьѣ исходитъ отъ женщины. Родственные отношенія, наслѣдственные права, преемственность поколѣній — приурочиваются къ матери, а не къ отцу, который не признается родоначальникомъ потомства и въ цѣпи поколѣній не составляетъ никакого звена. Въ противоположность принципу римскаго права, по которому женщина *familiae suae caput et finis est*, тутъ мужчина составляетъ начало и конецъ семьи, такъ какъ не чрезъ него, а чрезъ женщину продолжается связь съ поколѣніями въ прошломъ и съ потомствомъ въ будущемъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ авторовъ, напр. Страбона, за мужчинами давалось приданое, дочери являлись единственными наслѣдницами имущества, и сестры

¹⁾ Bachoven, «Das Mutterrecht» (1861), также Morgan, «Systems of consanguinity of the Human Family».

имѣли опекунскую власть надъ своими братьями и женили ихъ по своему выбору.

Гинеалогическое значеніе семьи сообщало женскому элементу первенствующее значеніе также въ смыслѣ социальномъ; въ исторіи имѣются слѣды, свидѣтельствующіе о существованіи гинеократической эпохи — полного господства женщинъ. Гинеократическій періодъ характеризуется тѣмъ, что все было женское: установленія, институты, органы общественной власти, даже войско. Такъ, извѣстно древнее сказаніе о существованіи амазонокъ — воинственного народа, состоявшего исключительно изъ женщинъ. На это указываетъ также мифъ о Кекропсѣ, установившемъ бракъ въ Афинахъ и назвавшемъ городъ въ честь Афины, а не Нептуна. Также славянскія преданія помнятъ эпоху господства женщинъ и рассказываютъ о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ борьбы мужчинъ и женщинъ (Легенда о чешскихъ дѣвушкахъ, построившихъ городъ Дѣвинъ; дѣвушки эти находились въ постоянной борьбѣ съ юношами, построившими на противоположной скалѣ городъ Тростень и, наконецъ, были послѣдними побѣждены).

Постепенно мужчины стали эмансипироваться отъ господства женщинъ, и періодъ матриархата уступилъ мѣсто *патріархату*, т. е. такой формѣ семьи, въ которой мужчина занялъ господствующее положеніе, а женщина — подчиненное. Этотъ переходъ къ господству въ семьѣ мужскаго элемента знаменуетъ собою начало новой эры, возникновеніе которой, какъ видно изъ древнихъ мифовъ, сопровождалось борьбой двухъ системъ, двухъ противоположныхъ взглядовъ — о преимущественномъ значеніи мужчины или женщины въ созданіи потомства. Противоположеніе этихъ взглядовъ весьма ярко выражается въ рассказѣ греческаго поэта о судѣ надъ Орестомъ, убившимъ свою мать Клитемнестру за то, что она